

Перед Залом Тайцзи утренний свет прорвался сквозь плотные слои облаков, равномерно осыпая золотистыми искрами величественные изогнутые крыши дворца.

Внутри зала курился в кадилъницах сандал, но он не мог заглушить скрытые течения, что будоражили всю полноту чиновников. Прошедшая несколько дней назад в просторном дворе Резиденции регента ошеломляющая «общественная слушание» уже подобно шторму пронеслась по столичным улицам и переулкам. Восторг простых торговцев, получивших право на управление причалом, и удивительный случай, когда старый мастер прямо на месте разоблачил завышенные сметы Министерства общественных работ, превратились в бесчисленные городские толки. Теперь законопроект, написанный черным по белому — «Общий иск о дноуглубительных работах на водных путях округа Цзинцзи и концессии на управление Южным портом», — бережно удерживаемый специальным человеком, тяжелым грузом возвышался в самом центре тронного зала.

Чжань Сюйтань был облачен в парадные одежды девяти питонов, сшитые из черной и красной ткани; высокий и прямой, он непринужденно и с ленивым видом полулежал на резном кресле из розового дерева рядом с драконьим тронном. Его длинные пальцы то касались, то отстранялись от аккуратно подстриженной короткой бороды на подбородке, а глубокие черные глаза излучали оценивающий и насмешливый взгляд, свысока озирая темную массу гражданских и военных чиновников внизу.

Маленький император на драконьем троне был еще совсем юн, его маленькие ручки до побеления впились в уголки императорского халата, а сам он сдерживал даже дыхание, смертельно боясь потревожить стоявшего рядом имперского дядю, чья власть простиралась над всем двором.

Ниже императорской дороги сановники консервативной фракции и чиновники-цензоры выстроились в аккуратные ряды.

Глава цензората стоял в самомперед, его лицо приобрело такой мертвенно-бледный оттенок, казалось, с него вот-вот закапает вода. Унижение, которому его подвергли несколько дней назад на общественных слушаниях, до сих пор стояло комом в горле. Эта группа старых чиновников, переживших трех императоров, после окончания утреннего доклада всю ночь строила тайные замыслы, в конце концов отыскав превосходный ответный план.

Раз уж в рассуждениях не удавалось превзойти цифры, а в аргументах — состязаться с коммерческой логикой, оставалось лишь одно: просто молчать.

В законах Великого Ся четко прописано, что новые законы могут быть обнародованы только после того, как их одобряют все чиновники и подпишут высшие сановники. Консерваторы давно просчитали эту брешь и намеренно выбрали всеобщее молчание: они не выступали ни против, ни за, намереваясь уморить новую политику в процедурных дебрях.

Пассивный бойкот, коллективное молчание.

Глава цензората сложил руки в широких рукавах, глядя на собственный нос и погрузившись в созерцание внутреннего мира, словно каменная статуя, застывшая посреди бурана. Стоявшие позади него несколько десятков цензоров и министров-консерваторов в точности повторили его позу, низко опустив головы; они отрегулировали дыхание так, что оно едва слышалось. Весь Зал Тайцзи словно рухнул в безмолвный ледяной мир, давящий до удушья.

Чжань Сюйтань прекрасно видел все тайные мысли этой старой лисы, и в глубине его души шевельнулась холодная усмешка.

Коллективное молчание? Бесполезный протест? Решили устроить мне парламентский бойкот?

За свою долгую политическую карьеру Чжань Сюйтань повидал куда более абсурдные методы бойкота. Разыгрываемый здешними древними чиновниками безмолвный спектакль казался ему не более чем капризами группы детей, которые отказываются признать поражение.

Слегка переведя взгляд, Чжань Сюйтань точно остановил его на стройной фигуре в цианровом одеянии, стоявшей впереди чистых рядов.

Помощник министра финансов Хэ Чанвэй и сегодня был облачен в безупречный цианровый халат, а его длинные волосы были идеально собраны белокаменной заколкой. Спина его оставалась прямой, как одинокий бамбук среди суровой зимы. Он не стал следовать за главой цензората и остальными, принимая отчужденно-жесткую позу, но и выходить вперед, чтобы заговорить, вовсе не собирался.

Хэ Чанвэй крепко прижимал к груди пересчитанную за ночь сметную таблицу, а кончики его пальцев слегка побелели от избыточного усилия.

Внутри молодого чиновника бушевало невиданное по силе смятение.

После многократных проверок выходило, что если этот законопроект удастся воплотить в жизнь, он не только сэкономит казне сотни тысяч лян серебра, но и полностью избавит десятки тысяч бедняков южного города от участи скитальцев во время каждого сезона дождей. С точки зрения управления государством и заботы о народе, это был превосходный закон, способный принести благо потомкам.

И все же методы Чжань Сюйтаня, полностью обходившие традиционную систему императорского двора и насильственно внедрявшие купцов и ремесленников в процесс принятия государственных решений, несомненно, жестоко расчленили конфуцианские принципы отношений государя и подданных.

Великая цель принесения пользы простому народу и процедурная верность заветам предков яростно сталкивались в голове Хэ Чанвэя. В конце концов он решил пока выждать, желая посмотреть, каким именно образом этот надменный и самонадеянный регент собирается сдвинуть с места погруженный в многолетнюю спячку дворец.

Чжань Сюйтань медленно поднялся, и тяжелые черные одежды с красной вышивкой очертили в воздухе плавную, уверенную дугу. Он широким шагом сошел по ступеням, и его шаги гулко разнеслись по пустому залу, отзываясь в сердцах каждого.

— Уважаемые министры, что касается Закона о дноуглубительных работах на водных путях округа Цзинцзи и концессии на управление Южным портом, Министерство общественных работ и Министерство финансов уже представили все расчетные счета. На сегодняшнем утреннем заседании мы должны утвердить окончательный порядок.

Чжань Сюйтань остановился в самом центре императорской дороги, а его взгляд — острый, как у сокола — скользнул по притихшим цензорам.

— Я всегда веду дела открыто и честно. Сегодня по заведенному при дворе правительству я вопрошаю о ваших намерениях: те, кто поддерживает этот законопроект, сделайте шаг вперед.

Его раскатистый голос отразился от резных балок и расписных потолков Зала Тайцзи.

В ответ на слова Чжань Сюйтаня воцарилась мертвая тишина.

Воздух словно застыл, нарушаемый лишь слабым потрескиванием догорающего в бронзовом треножнике благовония.

Уголки рта главы цензората едва заметно изогнулись в насмешливой ухмылке, но он по-прежнему сохранял позу погруженного в медитацию монаха. Стоявшие за ним чиновники опустили головы еще ниже; ни один не сделал шага вперед, ни один не издал ни звука. Этим абсолютным молчанием они намеревались поставить вознесшегося высоко регента в крайне неловкое положение, показав всему миру, что при дворе не нашлось ни единого человека, поддерживающего столь абсурдную новую политику.

Чжань Сюйтань вовсе не рассердился, напротив, тихо рассмеялся. Проведя ладонью по колючей щетине на подбородке, он сверкнул черными глазами, в которых читался блеск опытного политика, полностью контролирующего ситуацию.

— Прекрасно. Раз никто не выходит вперед с одобрением, тогда...

Чжань Сюйтань протянул гласные, и его звонкий, наполненный сокрушительной властью голос разнесся по каждому уголку зала.

— Те, кто выступает против этого законопроекта, поднимите руки.

Поднимите руки?

Высокопоставленные сановники слегка растерялись, многие старики даже инстинктивно подняли головы, глядя на него полными недоумения глазами. На протяжении сотен лет в судах Великого Ся обсуждение государственных дел велось через устные доклады и подачу мемориалов, с каких это пор здесь завели столь грубые жесты, как поднятие рук?

Лицо главы цензората помрачнело, а в душе пронеслась злая насмешка. По его мнению, это были лишь бессвязные бредни регента, оказавшегося в тупике. Пока они не произносят речей и не протягивают рук, это служит самым строгим отказом и протестом.

Вся полнота чиновников последовала его примеру: в зале по-прежнему сохранялась зловещая тишина, никто не поднял руки, никто не подал голоса.

Окинув взглядом присутствующих, Чжань Сюйтань с удовлетворением слегка кивнул. Внезапно он поднял обе руки и громко хлопнул в ладоши.

Хлоп!

— Замечательно!

Повернувшись лицом к уже смертельно испуганному маленькому императору на троне, Чжань Сюйтань зычно провозгласил:

— Докладываю Вашему Величеству: среди всех присутствующих чиновников нет ни одного, кто поднял бы руку против. Согласно правилам ведения заседаний, данный законопроект принят единогласно! Немедленно обнародовать и объявить во всеуслышание!

Это заявление прозвучало подобно удару грома среди ясного неба, мгновенно взорвав своды Зала Тайцзи.

Сидевший на драконьем троне маленький император ошеломленно смотрел на высокую фигуру внизу.

Только что молчание и холодность всех чиновников заставили его увериться в провале придворного совета. Но в мгновение ока императорский дядя всего несколькими словами заставил монолитный лагерь чиновников рассыпаться в прах.

Впервые маленький император отчетливо осознал, что стоявший рядом дядя вовсе не был тем надменным и деспотичным регентом, каким его описывали придворные.

Этот человек действительно был способен заставить весь двор Великого Ся вращаться по своей воле.

Проводив взглядом спину Чжань Сюйтаня, мальчик незаметно разжал маленькие пальцы, отпустив край драконьего халата, за который цеплялся в страхе.

Глава цензората, словно получив тяжелый удар, сменил бледный оттенок лица на багровый, яростно выскочил из строя и, тыча пальцем в лицо Чжань Сюитаню, взревел:

— Ван! Какая дерзость! Это просто уму непостижимо! Чиновники молчат не потому, что согласны с этой дикой ересью, а из страха перед вашей чудовищной властью! Как вы смеее принудительно выдавать молчание за согласие?!

Консервативные чиновники теперь уже не заботились о том, чтобы притворяться глухими и немymi, они толпой бросились вперед, охваченные праведным гневом, и обвинения полились со всех сторон:

— Верно! Мы никогда не выражали поддержки!

— Разве можно так легкомысленно решать государственные дела?! Раз не высказались — значит, против, с какой стати это считать принятым?!

Столкнувшись с разъяренной толпой сановников, Чжань Сюитань не только не разгневался, но даже неспешно шагнул вперед, излучая мощнейшее давление своей крупной фигурой прямо перед лицом главы цензората.

— Страшитесь меня?

Чжань Сюитань свысока глянул на главу цензората, а на его губах застыла насмешливая и холодная улыбка.

— Мемориалы цензората с обвинениями в мой адрес обычно громоздятся горами, а лозунги о смерти за правое дело звучат громче раскатов грома — с каких это пор вы стали такими пугливыми? Сегодня я дал вам возможность открыто возразить, лично спросил, кто против, но вы даже руки поднять и рта раскрыть не посмели. А теперь, когда закон признан принятым, у вас вдруг появились силы качать права перед моим лицом?

Чжань Сюитань повернулся к собранию чиновников, и там, куда падал его пронзительный взгляд, никто не смел встретиться с ним глазами.

— Когда при дворе идут споры, вам дают право выражать свои требования. Дали шанс — вы им не воспользовались, сами отказались от своего права, а теперь поднимаете скандал и катаетесь по полу! Сегодня я преподам вам, старым ретроgrадам, урок: перед лицом правил ведения дел, если вам дали шанс и вы не выступили против — это молчаливое согласие! Отказ от выражения мнения означает одобрение!

— Вы... вы просто извращаете смысл! Ведете себя как уличный бродяга! — Глава цензората дрожал всем телом, продолжая судорожно указывать на Чжань Сюйтаня пальцем.

— Это называется эффективностью и правилами ведения дел. — Чжань Сюйтань смахнул его палец в сторону, а его голос прозвучал холодно, как железо. — Если бы каждый закон, касающийся народных нужд, ждал, пока такие старые упрямы, как вы, будут грызться по полгода, бедняки Южного города давно захлебнулись бы в воде! Министерство общественных работ и Министерство финансов, слушайте мой приказ: немедленно приступить к исполнению нового закона, с завтрашнего дня официально начать дноуглубительные работы в Южном порту. Тех, кто проявит небрежность, судить по законам военного времени!

Бескомпромиссное заявление прямо установило железные правила. Чиновники-консерваторы переглянулись; хотя их едва не тошнило кровью от злости, перед лицом абсолютной власти Чжань Сюйтаня и этой странной, но безупречной с точки зрения логики схемы они оказались совершенно неспособны что-либо опровергнуть.

Утреннее заседание завершилось в беспорядке и суете. Чиновники кучками покидали зал, проклиная диктатуру и своеволие регента.

Глава цензората приостановился и оглянулся в сторону Резиденции регента; в его потускневших от старости глазах промелькнула мрачная тень.

— Сегодняшнее поражение — лишь временная случайность. При дворе он может давить чиновников силой, но людская молва по всему миру... Посмотрим, как он сумеет ей заткнуть рты.

Хэ Чанвэй плелся в самом хвосте толпы, ступая медленно и тяжело.

Только что разыгравшаяся в зале сцена произвела на молодого чиновника колоссальное впечатление. Методы Чжань Сюйтаня без сомнения были деспотичными и даже почти варварскими — насильно втиснуть свод современных правил голосования в древние стены дворца и полностью запутать старых министров.

И все же, глядя на то, как глава цензората и прочие перед лицом выгоды и народных нужд умели лишь отсиживаться в молчании, избегая ответственности, и сравнивая это с решительным, бьющим в самую точку подходом Чжань Сюйтаня к реальным делам, Хэ Чанвэй чувствовал, как в его душе трещит по швам некогда нерушимый храм «традиционного этикета».

— Господин Хэ, задержитесь.

Низкий бархатный голос раздался у него за спиной.

Вымощенные белым неффритом ступени за Залом Тайцзи уходили вдаль, а утренний свет был скрыт тяжелыми облаками, оставляя после себя полосу суровой тени.

Хэ Чанвэй замедлил шаг и, услышав оклик позади, слегка приостановился.

Гражданские и военные чиновники кучками собирались у императорской дороги, негромко осуждая сегодняшнее своеволие и деспотизм регента. Хэ Чанвэй прижал к груди бюджетные таблицы Министерства финансов еще крепче, а его пальцы слегка побелели; хотя слух резали возмущенные возгласы цензоров, в его душе бушевали непрекращающиеся волны.

Те самые старые министры, что громогласно зывали к верности государству и любви к правителю, перед лицом реальной угрозы жизни и смерти десятков тысяч простолюдинов Южного города выбрали самое трусливое и бесполезное молчание. Напротив, пресловутый регент с подмоченной репутацией и бесцеремонными манерами пробил своей грубой силой дорогу, способную принести народу благо.

Пусть методы Чжань Сюйтаня были близки к деспотичным, когда он втащил современные правила в древний храм и заставил чиновников плясать под свою дудку.

Тем не менее, каждая цифра и каждый пункт о помощи, помеченные в новом законопроекте, действительно могли спасти десятки тысяч простых людей от скитаний и бездомности.

Взгляд Хэ Чанвэя помрачнел, а его некогда непоколебимая позиция человека чистых помыслов неудержимо кренилась в сторону.

Чжань Сюйтань уверенной поступью приближался к нему, и его черные одежды с красной вышивкой из девяти питонов чуть развевались на ветру, источая то самое подавляющее присутствие зрелого политика. Аккуратно подстриженная короткая щетина на подбородке чуть приподнялась, а в темных глазах сверкал игривый огонек.

— Господин Хэ. — Чжань Сюйтань остановился прямо перед ним и понизил голос: — Пусть сегодняшнее представление во дворце и выдалось зрелищным, детальные ставки налогов на концессию Южного порта по-прежнему не могут обойтись без точных расчетов Министерства финансов. В час шэнь с четвертью берите старые архивы налогов за прошлые годы и загляните в тайный кабинет Резиденции регента. Я хочу сверить всё с глазу на глаз за закрытыми дверями.

Хэ Чанвэй поднял глаза, встречаясь с ним взглядом; в его чистых очах промелькнуло несколько сложных эмоций, но в конце концов он подавил бурю в сердце, слегка поклонился и ответил:

— Подчиненный повинуетя.

Час шэнь с четвертью, кабинет во внутренних покоях Резиденции регента.

В комнате ярко горели свечи, прогоняя прочь зимнюю зябь. На тяжелом письменном столе из розового дерева громоздились стопки плотных официальных бумаг и карт.

Чжань Сюйтань уже скинул тяжелые и мрачные черные одежды с питонами, оставшись лишь в свободном мягком халате цвета морской волны. Он лениво полулежал в кресле, слегка приоткрыв воротник и обнажая изящную шею; короткая щетина на подбородке в теплом свете свечей очерчивала его мужественный и твердый профиль.

Дверь мягко отворилась, и Хэ Чанвэй в аккуратном цианровом халате вошел внутрь, двумя руками удерживая тяжелый бамбуковый короб, доверху набитый старыми налоговыми архивами.

— А господин Хэ и впрямь пунктуален. — Чжань Сюйтань поднял глаза, потирая щетину на подбородке, и кивнул на деревянный стул напротив стола: — Садись. Сперва выпей пиалы только что заваренного высокогорного туманного чая, согрейся.

Хэ Чанвэй с глухим стуком опустил короб возле стола, но садиться не спешил. Сложив руки в рукавах и гордо задрав подбородок, он прямо посмотрел на Чжань Сюитаня, а его холодный голос зазвучал с новой остротой:

— Манеры, что ван продемонстрировал сегодня в Зале Тайцзи — это чистой воды разбойничья логика и бесстыдные методы! Насильственно объявить молчание чиновников молчаливым согласием — и куда вы тогда задвинули многовековой уклад двора? Куда дели принципы отношений государя и подданных?

Чжань Сюйтань не только не разозлился, но тихо и бархатисто рассмеялся.

Поднеся к губам чашку и сделав глоток, он прищурился, а его черные глаза стали глубокими, как омут:

— Разбойничья логика? Бесстыдные методы? Господин Хэ, если бы я сегодня начал покорно следовать тем самым принципам государя и подданных, о которых вы толкуете, и спорил с этой ватагой старых упрямцев, этот законопроект не утвердили бы и к весенней пахоте следующего года! А десятки тысяч бедняков из низинных кварталов Южного города в сезон ливней смогли бы лишь скитаться по свету или сгнить вповалку в диком поле!

Хэ Чанвэй крепко сжал губы, а его тонкие пальцы сжались внутри рукавов:

— Управлять Поднебесной следует по праведному пути, разве гоже опираться лишь на грубую силу и подавление? Если каждый станет пренебрегать правилами подобно вану, где тогда искать величие двора? Где его стержень?

— Разве стержнем можно наесться досыта? Смогут ли трактаты мудрецов остановить наводнение?

Чжань Сюйтань опустил пиалу, и его голос резко похолодел, падая на слух тяжелыми молотами:

— Бесстыдство вершит реальные дела, мудрецы способны лишь на пустые разговоры! Вы держитесь за высокие речи о пользе Поднебесной и высокую чистоту нравов, но если бы я не плел интриги с выгодой и не рвал в клочья старые уклады впереди вас, все ваши глубокие познания в искусстве управления государством остались бы лишь замками из песка!

Эти слова ударили в сердце Хэ Чанвэя, словно вспышка молнии. Молодой чиновник слегка качнулся, его прекрасное лицо побледнело, он приоткрыл рот, но так и не нашелся с ответом.

В комнате на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва слышным потрескиванием пламени свечи.

Глядя на погруженного в шок и раздумья маленького консерватора, Чжань Сюйтань позволил холоду в глазах исчезнуть, сменив его на лукавую, хорошо знакомую усмешку.

Медленно поднявшись, он длинными шагами обошел стол, и его уверенные шаги отчетливо эхом разнеслись по тихой комнате.

Почувствовав неладное, Хэ Чанвэй инстинктивно попытался отступить, но обнаружил, что уже прижался спиной к деревянному стулу. Чжань Сюйтань был высок и статен; сделав шаг вперед, он уперся обеими руками в подлокотники стула с двух сторон и навис сверху, наглухо заперев Хэ Чанвэя в тесном пространстве между собой и мебелью.

Плотный аромат зрелого мужчины вместе с легким запахом сандала хлынул волной, полностью окутывая молодого человека.

— В-ван, соблюдайте приличия! — Сердце Хэ Чанвэя дико заколотилось, а его бледные щеки залил манящий румянец. Он уперся ладонями в широкую и твердую грудь Чжань Сюйтаня, пытаясь оттолкнуть его.

Чжань Сюйтань слегка подался вперед, и его колючая щетина случайно задела нежную мочку уха Хэ Чанвэя, а затем плавно скользнула по линии шеи.

От этого покалывания по телу пробежала волна щекочущей дрожи, дыхание Хэ Чанвэя мгновенно сбилось, уши загорели дотла, а холодная маска манер окончательно разлетелась вдре́зья.

— Господин Хэ только что назвал меня бессовестным. — Низкий голос Чжань Сюйтаня

завучал прямо у самого уха, источая неисчерпаемое искушение и властность: — Если бы я и впрямь не совершил чего-то бесстыдного, разве не оправдал бы я вашу оценку?

Пользуясь моментом, широкая горячая ладонь Чжань Сюйтаня перехватила правую руку Хэ Чанвэя, упертую ему в грудь, и его длинные пальцы сплелись с чужими, накрепко запечатав нежную ладонь в своем кулаке.

Хэ Чанвэй испугался не хуже пойманного в ловушку зайчонка, отчаянно дернув запястье, и торопливо выкрикнул:

— Подчиненный против! Чжань Сюйтань, немедленно отпусти!

Чжань Сюйтань не только не отпустил, но сжал еще крепче, а подушечки его пальцев с хулиганской усмешкой принялись гладить пульсирующую жилку на чужом запястье.

Глядя на покрасневшие глаза и закусивших губы человека, Чжань Сюйтань почувствовал, как напускное озорство постепенно отступает. В глубине его черных глаз мелькнули редкие искренность и нежность, а хватка стала совсем легкой.

— Господин Хэ. — Чжань Сюйтань убрал с лица игривую улыбку, а его голос зазвучал низко и серьезно: — Я знаю, что в твоём сердце живет забота о благе Поднебесной и гордость ученого мужа. Я не заставляю тебя отбрасывать свой стержень, я лишь хочу, чтобы ты открыл глаза и взглянул на этот настоящий мир. Выгода — не яд, она — хворост, приводящий в движение этот древний механизм. Ты держись за свои первоначальные устремления, а я побуду тем самым бессовестным мерзавцем, что расчистит все преграды, договорились?

Искренний взгляд попал прямо в цель, пробив любую защиту.

Хэ Чанвэй вдруг осознал, что на самом деле не мог возразить вовсе не на дерзость Чжань Сюйтаня, а на то, что этот человек, вызывавший у него столько неприязни, делал именно то, чего сам он страстно желал все эти годы, но был связан по рукам и ногам придворными канонами.

Хэ Чанвэй замер.

Глядя на защиту и скрытую нежность в глазах этого зрелого политика, слушая фразу ты держись за свои устремления, а я побуду мерзавцем, последняя линия обороны в сердце Хэ Чанвэя окончательно рухнула. Борющаяся рука потеряла всякую силу, позволив горячей ладони напротив оплести свое запястье.

Эмоции в комнате претерпели тонкую трансформацию. Заклятые политические противники при дворе в конце концов открыли друг другу истинные сердца в мерцающем свете свечей.

Тихо усмехнувшись, Чжань Сюйтань ослабил хватку и увлек Хэ Чанвэя за собой, усаживаясь рядом за стол.

— Ну всё, хватит шуток. — Чжань Сюйтань вернул себе прежний непринужденный вид, протянул руку, поправляя чуть сбившийся воротник Хэ Чанвэя, и кивнул на бамбуковый короб: — Давай, доставай старые налоговые архивы Министерства финансов. Сегодня ночью мы разберем каждую налоговую ставку концессии Южного порта до последней черточки.

Хэ Чанвэй отвернулся, потирая пылающее запястье и пытаясь скрыть жар на лице.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить сердцебиение, он откинул крышку короба, доставая тяжелые стопки счетоводных книг и раскладывая их по столу.

Колеблющееся пламя свечи отбросило длинные тени двух сидевших совсем близко людей.

Хэ Чанвэй указывал изящными тонкими пальцами на цифры в книгах, строгим и прохладным голосом анализируя обоснованность каждой налоговой ставки; Чжань Сюйтань слушал внимательно, то и дело вставляя дельные замечания с точки зрения современного коммерческого расчета, а его короткая щетина приятно поблескивала в отсветах свечей.

Стержень древнего чиновника и методы современного политика сплелись здесь воедино.

Под тихое шершавое шуршание страниц в тайном кабинете шестеренки, меняющие косную политику Великого Ся, окончательно набрали свой ход.

<http://bllate.org/book/20997/2134889>